

С. А. Парахин

СОЛДАТЫ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Сергей Парахин
Солдаты Великой Победы

«Издательские решения»

Парахин С.

Солдаты Великой Победы / С. Парахин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984496-5

В этой книге собрано несколько коротких очерков о рядовых бойцах Красной Армии, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны, о тех, чьи внуки и правнуки живут ныне рядом с нами на священной севастопольской земле, на берегах бухты у подножия Малахова Кургана.

ISBN 978-5-44-984496-5

© Парахин С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Курдасов	7
Бачинский	17
Смотров	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Солдаты Великой Победы

Сергей Парахин

Дизайнер обложки Мария Бангерт

© Сергей Парахин, 2020

© Мария Бангерт, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-4496-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Вот уже более семидесяти лет отделяют нас от событий Великой Отечественной войны. Уже почти не осталось в живых на этой земле солдат Великой Победы, тех самых солдат, что отстояли Москву и Сталинград, тех солдат, что брали Берлин и Кенигсберг, тех солдат, что обнимали крепко союзников на Эльбе.

После того победного памятного мая уже успели родиться на свет, прожить долгую жизнь, вырастить детей, состариться и уйти навеки люди целого поколения. Редко теперь встретишь на улице старика с орденскими колодками на груди. Уже отгремели над миром другие войны, жестокие и страшные. Казалось бы, и память о той войне могла бы уже померкнуть, и боль утрат должна бы уже притупиться, и торжество победы должно стать привычным и обыденным. Но нет. Поседевшие внуки героев той войны морщинистыми пальцами порой бережно перебирают обветшавшие страницы солдатских писем, похоронок, наградных листов, вглядываются подслеповато в родные лица на пожелтевших фронтовых фотографиях, вспоминают из детства полузабытые, размытые временем, рассказы родителей о дедушках-фронтовиках. Какие-то детали, порой важные о дорогие сердцу, в памяти не сохранились. Переспросить бы. Да ныне уж и не у кого.

В этой книге собрано несколько коротких очерков о бойцах Красной Армии, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны, о тех, чьи внуки и правнуки живут ныне рядом с нами на святой севастопольской земле у берегов бухты на склонах Малахова Кургана.

Курдасов Дмитрий Васильевич

В пятнадцати верстах на закат от уездного города Мстиславля Могилевской губернии, вдалеке от торных дорог и больших городов, на обочине глухого пыльного шляха, приютилась невеликая деревенька Телешово. Тихая безымянная речушка, что за огородами, впадает в реку Сож, а та в Днепр, а далее уже текут воды в Черное море.

Земли в тех местах тощие, скудные. Широкие поляны и луга разделены болотами да перелесками. Селяне сеяли рожь да овес, сажали морковь да картошку. Перебивались кое-как от урожая до урожая.

Зато пастбища да сенокосы там знатные. Буренки местные молоком густым исходили обильно.

А разнотравье летнее – пчелам раздолье. Мед душистый всегда в достатке имелся.

Со стародавних времен жили в тех землях люди, звали которых Белые Русы. Белые – это значит, что помыслы их светлые, а в делах своих они чистые. Русы – это значит, что они русского корня.

Места же те издревле были беспокойны.

Встарь приходили сюда дружинники Смоленского князя Мстислава Великого. Брали князьи люди с хлебопашцев дань посильную. А на страх врагам порубежным основали они на крутом холме город-крепость Мстиславль.

После наложил было на земли сии свою суровую длань Литовский князь Ольгерд Гедиминович, да ненадолго.

Рубились здесь в кровавых битвах стрельцы Московского царя Алексея Михайловича и крылатые гусары Польского короля Яна Казимира.

Под барабанный бой сходились в штыковых атаках преображенцы царя Петра I и драбанты короля Карла XII.

И уже Екатерина Великая при разделе Речи Посполитой в 1772 году окончательно присоединила земли Могилевщины, в том числе и деревеньку Телешово, к Российской Империи.

Грозным летом 1812 года по пыльным дорогам края, жестоко огрызаясь арьберггардными боями от дивизий маршала Даву, спешно маршировали отступающие колонны 2-й русской армии генерала князя Петра Багратиона.

А потом пришли наглые французские мародеры Великой армии императора Наполеона. А потом, французских мародеров местные крестьяне стали жестоко изничтожать вилами да топорами.

А уже зимой того же 1812 года, при бегстве захватчиков с русской земли, на деревенских околицах стали появляться безоружные и жалкие дезертиры из той самой Великой армии Наполеона. Они робко топтались на морозе и жалобно блеяли: «*Cher ami, je ne mange pas six jours*».

Отходчива русская душа. Бродяг этих мужики да бабы кормили, чем бог послал, отогревали, да язвы кровавые залечивали. Отпускали бродяг после на все четыре стороны. Называли их про меж себя «шаромыжниками». Кто хотел, тот уходил, а иные оставались, приживались, обзаводились семьями.

В годы Первой Мировой войны в городе Могилеве квартировала Ставка Верховного Главнокомандующего, возглавлял которую сам Император Всероссийский Николай II.

Здесь же в дни февральской революции 1917 года Самодержец отрекся от престола.

Здесь же приняли в свой черед нелегкое бремя Верховного Главнокомандования русской армией генералы Алексеев Михаил Васильевич, Брусилов Алексей Алексеевич, Корнилов Лавр Георгиевич.

Здесь же был растерзан озверевшими дезертирами последний главком Временного правительства генерал Духонин Николай Николаевич.

Курдасов Дмитрий Васильевич родился в 1911 году в деревне Телешово Мстиславского уезда Могилевской губернии в православной крестьянской семье.

В годы Первой Мировой войны, революционных событий и Гражданской войны в России мальчик был ещё очень мал, что бы понимать происходящее.

Что говорить, и взрослые люди порой путались среди многочисленных политических партий, среди самопровозглашенных республик и правительств, среди вновь сформированных армий и открывшихся фронтов, среди иностранных союзников и интервентов.

Основные события Великой Русской смуты (заговоры и восстания, декреты и воззвания, походы и сражения, трибуналы и расстрелы) происходили вдалеке от деревни Телешово, затерявшейся в Белорусской глуши.

Однако и здесь было неспокойно. Красные чекисты гонялись по лесам за разрозненными белыми отрядами, банды уголовников охотились за богатыми контрабандистами, контрабандисты в безысходности отстреливались от чекистов.

Но, в конце концов, Гражданская война закончилась. В стране прочно установилась Советская власть. Стрельба в лесах, да на болотах прекратилась.

Курдасов Дмитрий подрастал. Кое-как постиг грамоту. Пока был мал, баловал со сверстниками – рыбачил, ловил раков, ставил силки на зайцев, водил коней в ночное. А с четырнадцати лет стал работать в поле наравне с отцом.

Пережили селяне коллективизацию, пережили голод в 1932 – 1933 годах. А уже в 1935 году земля дала щедрый урожай. Колхозники зажили веселее. На полях появились трактора с плугом, по дорогам помчались «полуторки» с зерном.

Подшло время, и Дмитрий Васильевич женился, обзавелся своей собственной семьей. Жизнь налаживалась. Всем миром деревня построила молодым новую хату, а колхоз выделил скотину. В деревню провели радио, стала приезжать кинопередвижка. Селяне смотрели советские кинофильмы «Путевка в жизнь», «Мы из Кронштадта», «Веселые Ребята».

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война.

Гитлеровские полчища вторглись на советскую землю. Удар невиданной силы обрушился на войска западных округов Красной Армии. Несмотря на героическое сопротивление, стойкость и упорство наших воинов, невзирая на свои собственные огромные потери, враг неудержимо прорывался вглубь территории СССР.

Бойцы и командиры советских частей мужественно дрались и погибали на последних рубежах обороны и в многочисленных «котлах», но все же они из последних сил, ценой своих жизней, сдерживали бешеный натиск фашистских войск.

Все же 28 июня мы потеряли Минск, а 12 июля мотоциклисты немецкого генерала Гейнца Гудериана, проскочив без боя через деревню Телешово, ворвались в город Мстислав. В окруженном фашистами Могилеве вплоть до 26 июля ещё сражались полки и дивизии 61 стрелкового корпуса генерала Федора Алексеевича Бакунина.

В этих условиях неразберихи областные и районные военкоматы Белоруссии были дезорганизованы, частью эвакуированы, а частью потеряны. Ни о какой мобилизации и призыве военнообязанных граждан в ряды РККА не могло быть и речи.

Никто Дмитрию Васильевичу повестку о призыве в армию не вручил, и остался мужик дома. А там и под гитлеровскую оккупацию попал со всей семьей.

В те дни через деревню Телешово по ночам пробирались на восток мелкими группами бойцы и командиры Красной Армии, выходившие из окружения. Они просили ночлега, хлеба,

перевязки для раненых. Немецкого гарнизона в деревне ещё не было, и селяне помогали воинам, чем могли. Иных, тех, кто не мог идти дальше, оставляли в своих домах. Остальные уходили.

А потом в деревню пришли гитлеровские каратели и полицаи из числа наших предателей. Они обыскали всю деревню. Они выволакивали из хат, из сараев и с чердаков тяжело раненных красноармейцев в окровавленных бинтах, с самодельными костылями, беспомощных, безоружных. Изверги с руганью, с мордобоем ставили их к стене сарая и расстреливали на глазах у всей деревни. А потом ради устрашения повесили несколько наугад выбранных жителей.

Полицейские команды, немецкие патрули, просто мародеры и впредь часто заезжали в деревню Телешово. Они уводили скотину, забирали домашнюю птицу, сало, мед, самогон. Они глумились над молодыми девушками. И каждому двору была установлена кабальная норма сдачи зерна со следующего урожая в закрома «Великого Рейха».

Но надо было выживать, сохранять от лютой смерти семью, растить детей. Как и вся деревня, Дмитрий Васильевич, стиснув зубы, кипя ненавистью к захватчикам, но, не поднимая глаз и не переча новым хозяевам, пахал на родной земле из последних сил.

К слову сказать, о партизанах, о народных мстителях, в тех безлесных и малолюдных местах слухи даже не доходили. Народная война широко развернулась много западнее, среди бескрайних лесных просторов, возле больших сел и многочисленных дорог, рядом с железнодорожными станциями, мостами, складами, комендатурами и гарнизонами врага.

А крестьяне деревни Телешово так и жили два с лишним года оккупации, в голоде, в страхе, в неверии, в унижении. Гебельсовская пропаганда внушала населению, что Москва и Ленинград разрушены, что Сталин сбежал, что немецкие солдаты вышли к Уралу. И ничего люди не ведали о победах советских войск под Москвой и под Сталинградом.

Но вот наступило лето 1943 года. Что-то вокруг почти незаметно стало меняться. Если немецкие каратели стали злее и беспощаднее, то полицаи наоборот стали добрее, лишний раз прикладом не ударят, да сапогом не пнут, а то и поздороваются со стариком, мимо проходя.

А там уже потянулись уныло германские обозы через деревню на запад.

А там уже на востоке запыхали по ночам далекие зарницы, заворчали глухо громовые раскаты.

Приближался фронт.

7 августа 1943 года войска Западного фронта под командованием генерала Соколовского Василия Даниловича после двухчасовой артиллерийской подготовки перешли в решительное наступление. Началась операция с громким наименованием «Суворов», в ходе которой были освобождены города: Ельня, Духовщина, Дорогобуж, Ярцево, Смоленск, Рославль, Мстиславль.

6 сентября 1943 года, после жестоких боев и тяжелых переходов, бойцы 49 армии Западного фронта вошли в деревню Телешово. Немецких оккупантов и их прислужников к тому времени – как ветром сдуло.

А уже 7 сентября 1943 года тридцатидвухлетний Курдасов Дмитрий Васильевич был призван в ряды РККА рядовым красноармейцем в 252 стрелковый полк 70 стрелковой дивизии.

Дали солдату шинель да каску, котелок и саперную лопату, винтовку со штыком, ну и пару ручных гранат. Накормили его кашей с салом, налили сто грамм водки сивушной, насыпали в кисет махорки душистой. Вот и готов воин к бою, ступай на передовую.

В ходе продолжавшегося наступления части 70 стрелковой дивизии с тяжелыми боями еще немного продвинулись на запад и 2 октября 1943 года вышли на рубеж реки Проня. Там наши бойцы были остановлены противодействием сильно укрепившегося в обороне противника.

Дело все в том, что в ходе стратегической наступательной операции «Суворов», пройдя с тяжелыми боями за два месяца более двухсот километров, войска Западного фронта израсхо-

довали боеприпасы и горючее, продовольствие и медикаменты, понесли потери в людях и технике. Бойцы смертельно устали, а изношенные моторы танков, тракторов и машин безнадежно глохли. В тоже время противник подтянул резервы и создал прочные рубежи обороны.

Однако, несмотря ни на что, с конца 1943 года по весну 1944 года 70 стрелковая дивизия вела тяжёлые и почти безуспешные наступательные бои на витебском направлении.

Каждый день наши обескровленные роты поднимались в атаку. Перед этим наша артиллерия бросала на фашистские окопы с десятков снарядов из числа последних. О танках и авиации даже никто даже и не мечтал.

По счастью, у гитлеровцев положение было не лучше. Атаку-то они, конечно, отобьют, но из последних сил, и преследовать наших бойцов, отходящих в свои окопы, они уже не решились.

В этот период основные события Великой Отечественной войны разворачивались на юге и на севере советско-германского фронта. Советские войска ценой огромных потерь очистили от гитлеровцев Северный Кавказ и Тамань, в период жестоких зимних штормов высадили крупные десанты на Крымский полуостров. Сильным ударом советские войска сняли блокаду с Ленинграда и освободили Новгород. Советские войска форсировали Днепр, освободили Киев и Житомир, вели упорные бои на Правобережной Украине за Винницу и Корсунь-Шевченковский.

Ну, никак нельзя было давать врагу передышку на других, как бы спокойных, направлениях, в том числе и в Белоруссии. Ни один гитлеровский солдат, ни один танк, ни один снаряд, ни одна буханка эрзац-хлеба, не должны были быть отправлены на главные участки борьбы.

20 марта 1944 года красноармеец Курдасов Дмитрий Васильевич был ранен в бою за деревню Косачи, что на Витебском направлении. По счастью ранение оказалось легким, и врачи оставили бойца на излечении в полевом госпитале родной 49 армии.

Конечно же, ранение солдату не в радость.

И плоть воспаленная гниет, и кость перебитая болит, и озноб все тело трясет, и слабость подняться на ноги не дает, и тошнота в горле стоит.

Но зато в атаку под пулеметный огонь идти не надо, на животе под проволокой в грязи ползти не надо, окопы лопатой рыть не надо, на вражеский танк с гранатой в руке бросаться не надо.

А еще – ванна горячая, простыни белые, подушка мягкая, паек калорийный, медсестрички ласковые.

А еще – тишина в палате, за окном весенняя капель, верба цветет, воробьи чирикают.

Как бы там ни было, а ранение все-таки легкое. Умирать от него солдату не требуется.

И медицина, в конце концов, свое возьмет, и молодой организм свое возьмет. Боль со временем унялась, дрожь в коленях прошла, появился аппетит.

Вот уже выздоравливающий боец через окошко в самоволку бегаёт, вот он уже с санитарочкой за углом целуется, а вот он уже и дрова для кухни лихо колет.

Не прошло и месяца, как боец здоров, готов к бою. А значит – ждёт его передовая. 14 апреля 1944 года Курдасов Дмитрий Васильевич был выписан из госпиталя.

В запасном армейском стрелковом полку майор-кадровик, с протезом вместо левой руки и с Орденом Красного Знамени на груди, полистал личное дело красноармейца Курдасова Дмитрия Васильевича, посмотрел на него придирчиво, и выписал ему направление в часть. Быть ему отныне заряжающим номером боевого расчета в 1-й минометной роте 617 стрелкового полка 199 стрелковой дивизии 49 армии 2 Белорусского фронта.

Майор рассуждал так – мужику уже за тридцать, повоевал полгода на передке, ранение имеет. К миномету нужен как раз серьезный опытный солдат, войну познавший. А со штыком в атаку бегать – найдутся бойцы помоложе его да поретивее.

Так стал Курдасов Дмитрий Васильевич минометчиком. Это уже не совсем пехота. Это уже почти артиллерия.

82-мм батальонный миномет образца 1937 года обслуживался боевым расчетом из четырех человек (командир, наводчик, заряжающий, подносчик снарядов). Он имел дальность стрельбы чуть более трех километров, скорострельность до тридцати выстрелов в минуту. Масса миномета составляла 61 кг (в разобранном виде: ствол – 19 кг, опорная плита – 22 кг, двунога – 20 кг). Масса мины составляла 3,4 кг (лоток с тремя минами – 12 кг). Длина ствола – 1220 мм. Оружие в целом было весьма эффективным. Взрыв мины давал 400—600 осколков, обеспечивавших поражение живой силы противника в радиусе шестидесяти метров от места разрыва.

Таскать это чудо-оружие расчету приходилось на своих плечах. Само собой разумеется, что никто не отменял личное оружие в виде карабина с боекомплектом. Ну и чтобы окопчик отрыть для миномета, расчету лопатами помахать тоже приходилось изрядно. Расход мин в бою составлял 100 килограмм в минуту. Пойди ка натаскайся. Поэтому доставка боеприпасов на огневую позицию возлагалась на пехоту.

В бою минометные позиции располагались непосредственно в боевых порядках пехотных батальонов. Конечно, не в первой траншее, но и не в тылах. При наступлении минометчики зачастую бежали в атаку вместе с пехотой, таща на плечах свою артиллерию в разобранном виде. В уличных боях они устанавливали свои трубы в разрушенных зданиях на лестничных пролетах, на крышах, во дворах.

А противник, взбешенный минометными обстрелами, тщательно выискивал наши огневые позиции и в ярости обрушивал на них десятки артиллерийских снарядов и авиационных бомб. Нашим бойцам приходилось под огнем спешно разбирать свое орудие на части и бегом менять место расположения.

6 июня 1944 года наши союзники по антигитлеровской коалиции приступили к осуществлению в Нормандии грандиозной операции «Оверлорд». Был открыт, наконец, второй фронт в Европе.

Выполняя свои обязательства перед англо-американцами, советская сторона 23 июня 1944 года развернула в Белоруссии стратегическую наступательную операцию «Багратион».

После мощной артиллерийской подготовки, 199 стрелковая дивизия, в которой воевал минометчиком красноармеец Курдасов Дмитрий Васильевич, пошла в наступление и начала форсирование реки Проня, по которой проходил немецкий оборонительный рубеж.

Поскольку противник был практически полностью подавлен артиллерией, сапёры в течение короткого времени навели множество лёгких мостов для пехоты и четыре 60-тонных моста для тяжёлой техники.

Потрепанные же в боях части и соединения вермахта хоть и с боями, весьма поспешно отступали на запад.

Воины 199 стрелковой дивизии на плечах бегущего противника ворвались в город Чаусы, а затем освободили населённые пункты Черневка, Ждановичи, Хоньковичи, Будино, Васьковичи, Темривичи, Бординичи.

27 июня 1944 года части дивизии стремительно форсировали Днепр севернее Могилёва и прорвали вторую оборонительную полосу немцев, подготовленную ими на западном берегу реки.

Вот тут-то минометчику Курдасову Дмитрию Васильевичу пришлось поплавать. Мосты никто не наводил, и Днепр бойцы переплывали под вражеским огнем на подручных средствах. Каждый номер боевого расчета плыл, на чем попало (на бревнах, на бочках, на дощатых заборах), со своей частью миномета. Не столько страшно было погибнуть самому, сколько страшно было утопить проклятую железяку. Мало того, что под трибунал отдадут, так ведь и пехота наша останется без огневой поддержки. Полягут ребята почему зря. Однако переправа, хоть

и с боем и с неминуемыми потерями, все же удалась. Минометчики вступили в бой. Их интенсивный огонь сыграл далеко не последнюю роль в успешной атаке стрелковых рот на вражеские траншеи.

Могилев, наконец окружён советскими войсками. А на следующий день город был взят приступом. Бойцы Красной Армии захватили более двух тысяч пленных. Среди сдавшихся гитлеровцев был и немецкий комендант города генерал Готфрид Генрих фон Эрмансдорф. Позднее был признан виновным в совершении многочисленных тяжких преступлений в отношении мирных жителей и по приговору военного трибунала повешен.

После освобождения Могилева, части 199 стрелковой дивизии с боями вышибли гитлеровцев из городов Шклов и Быхов. А после, вплоть до 14 августа 1944 года, активно участвовали в операции по ликвидации немецкой группировки, окруженной западнее Минска.

Гитлеровцы отчаянно пытались вырваться из «котла», но это не было им позволено. Бои завязались жестокие. В этой операции минометчикам довелось пострелять изрядно, огневых позиций поменять вдоволь, землицы окопной перелопатить досыта, да атак вражеских отбить в рукопашных схватках толику.

14 августа 1944 года войсками 2-го Белорусского фронта был занят город Осовец и плацдармы на западном берегу реки Нарев. На рубежи реки Нарев и была передислоцирована из-под Могилева 199 стрелковая дивизия. Там на плацдармах шли позиционные бои вплоть до января 1945 года.

К слову сказать, к ноябрю 1944 года Красной Армией были выполнены основные задачи общего стратегического наступления (десять сталинских ударов). Территория СССР была почти полностью освобождена от захватчиков. Из войны были выведены союзники гитлеровской Германии – Финляндия, Словакия, Румыния, Болгария, Хорватия. Пришла пора для накопления нами сил и средств, для подготовки операций завершающего этапа войны с гитлеровской Германией.

Но германская военная машина была еще очень сильна. Немецкая армия была многочисленна. Полководцы были талантливы. Боевой дух солдат был высок. Вооружение было отличным.

16 декабря 1944 года в Арденских горах на Германо-Бельгийской границе внезапным ударом немцы нанесли сокрушительное поражение англо-американским войскам. Союзники бросали вооружение, технику, сдавали своих солдат в плен и спешно окатывались к морскому побережью Голландии. Под вопрос ставилось само существование Второго фронта в Европе.

Премьер-министр Великобритании Черчилль обратился к Сталину с отчаянным призывом о немедленной помощи.

Сталин ответил на обращение Черчилля:

«Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на Западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем всё, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам».

(Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 г. Москва. Политиздат. 1989 г.)

12 января 1945 года Красная Армия нанесла ряд мощных ударов по гитлеровским войскам и, на восемь дней намеченного срока, невзирая на недостаточную подготовленность

войск, приступила к осуществлению Висло-Одерской стратегической наступательной операции.

13 января 1945 года Советские войска неожиданно для противника начали крупномасштабное наступление в Восточной Пруссии.

Немецкое командование с целью спасения восточного фронта от неминуемой катастрофы, было вынуждено экстренно снимать с западного направления целые дивизии и корпуса, сотни танков и самолетов, артиллерийские части и срочным порядком усиливать ими группировки войск, противостоящие стремительно наступающей Красной Армии.

В итоге уже 15 января 1945 года 1-я и 3-я американские армии получили возможность остановить наступление гитлеровских войск, ликвидировать прорыв, переформироваться, нанести врагу сильный контрудар, развить наступление по сходящимся направлениям, соединится передовыми частями в районе бельгийских городов Оффали и Новилль и тем самым окружить крупную группировку противника. Союзники тоже умели воевать нешуточно.

Конечно же, в глобальном масштабе мировой войны все это звучит значительно.

А что на практике означает для рядового красноармейца Курдасова Дмитрия Васильевича – «наступать на 8 дней раньше намеченного срока».

А это означает, что авиационного прикрытия из-за нелетной погоды не будет, что плотность нашего огня при проведении артиллерийской подготовки будет недостаточной, что число стрелковых рот в атаке будет невелико, что штатных понтонных переправочных средств не предвидится.

Но советский солдат ко всему привычен.

Отгремела в ночном мраке короткая артподготовка. В предраассветной мгле толкнули бойцы хлипкий плотик в студеную воду и поплыли во вражью сторону. Справа и слева слышны размеренные удары весел. Другие тоже плывут. А у солдат зубы стучат дробью, коленки трясутся, руки дрожат, озноб по спине бьет. В мыслях сумятица: «хоть бы фашисты нас не заметили; хоть бы снарядом плот не накрыло; хоть бы пуля шальная в живот не ударила, хоть бы в воду темную взрывом не скинуло».

Но чудес не бывает. И вот уже шарят по реке лучи вражеских прожекторов. И вот уже висят над головой немецкие осветительные ракеты. Светло, как днем. Бьет по нашим плотам и лодкам гитлеровская артиллерия, вздымаются с шипением на реке фонтаны воды, с грохотом разлетаются бревнами и людскими изувеченными телами наши взорванные плоты, трассирующие пули впиваются в солдатские сердца под шинелями.

С нашей стороны, конечно, тоже бьют по огневым точкам противника из всех видов оружия.

На то она и переправа.

Но минометчикам в этот раз повезло. Повезло и красноармейцу Курдасову Дмитрию Васильевичу.

Плотик ткнулся невредимым на отмель вражеского берега. А теперь бойцам бежать под обстрелом вперед и тащить на себе тяжеленные части миномета.

Наконец поступил приказ – «открыть огонь».

Тут же: опорная плита – наземь; труба и двунога – монтируются к плите; прицел – монтируется к трубе. Цель определена. Огонь!!! Пошли ребята метать снаряды.

Огонь вражеский несколько подзавял. Пехота наша заметно повеселела, пошла вперед.

Частями 199 стрелковой дивизии река Нарев была успешно форсирована. Враг был отброшен. Наступление продолжало развиваться.

Безусловно, минометчики были в то время незаменимыми помощниками пехотинцев в их яростных атаках на вражеские траншеи и в их кровавых боях с лютым врагом.

Та земля, где тогда наступали наши войска, и которая сейчас принадлежит Польше, столетиями называлась Восточной Пруссией и была в то время заселена этническими нем-

цами. Воевать там было тяжело. Гитлеровцы остервенело дрались за свою землю, за свои дома, за свои семьи. В занятых нашими частями городах и фольварках население держалось враждебно. Нашим бойцам приходилось все время быть начеку.

20 января 1945 года, через восемь дней после начала наступления наших войск, красноармеец Курдасов Дмитрий Васильевич вновь был ранен в бою. Ранение опять же оказалось легким, и солдат отлежался в медсанбате родной дивизии. Стонал по ночам от боли, скрипел зубами на перевязках, заглядывался на молоденьких медсестричек. Не прошло и месяца, как он вновь вернулся в родную минометную роту.

26 марта 1945 года Курдасов Дмитрий Васильевич совершил воинский подвиг, за который был награжден «медалью за отвагу». В приказе о награждении №011/19 от 3 апреля 1945 года по 617 стрелковому полку Смоленской Краснознаменной ордена Суворова 199 дивизии было отмечено:

«От имени Верховного Совета Союза ССР награждаю медалью „За отвагу“ заряжающего 82 мм миномета 1 минометной роты красноармейца Курдасова Дмитрия Васильевича за то, что в бою за город Олива 26.03.1945 года метким огнем из своего миномета уничтожил 1 пулеметную точку противника, мешавшую продвижению нашей пехоты».

(Podvignaroda.ru)

После разгорелись ожесточенные уличные бои за город Данциг, важнейший порт и перво-классная военно-морская база гитлеровцев на Балтийском море. Из каждого окна бил в сердце советского солдата горячий свинец, на разрушенных лестничных пролетах яростно кипела рукопашная схватка, рухнувшие стены навеки хоронили под горами битого кирпича и живых и мертвых.

Минометчики, сгибаясь под тяжестью своего оружия, спешили за наступающей пехотой и при каждой возможности впились опорами в землю, задирали трубы и кидали мины на головы фашистов сотнями.

В ответ они принимали на себя бешеный огонь озверевшего врага. Солдаты падали на землю со свинцом и сталью в груди. Живые продолжали вести огонь.

30.03.1945 года город и крепость Данциг нашими войсками был взят.

А потом были жестокие бои за овладение главным городом Померании и крупным морским портом Штеттин. А потом были яростные бои за города Гартц, Пенкун, Казеков, Шведт.

Тем временем, приказом начальства мудрого, по соображениям обоснованным, после двух ранений и награждения боевой медалью, переведен был солдат Курдасов Дмитрий Васильевич из ротных минометчиков в батальонные связисты. Должность серьезная, ответственная. Надежная и бесперебойная связь между подразделениями в бою – это залог успеха в выполнении поставленной задачи. Это значит, что предстояло солдату таскать на себе по полю боя, под вражеским обстрелом, тяжеленую катушку с телефонным кабелем, телефонный аппарат, да неразлучный карабин. Предстояло ему восстанавливать порванные линии, да отбиваться, при случае, от гитлеровских автоматчиков.

23 апреля 1945 года Курдасов Дмитрий Васильевич вновь совершил воинский подвиг, за который был награжден «Орденом Красной Звезды».

В наградном листе указано:

«Курдасов Дмитрий Васильевич.

Красноармеец.

Телефонист 617 стрелкового краснознаменного полка 199 стрелковой Краснознаменной, Ордена Суворова дивизии.

Представляется к Ордену «Красная Звезда».

Год рождения 1911.

Белорус.

Беспартийный.

Участие в Великой Отечественной войне с 07.09.1943 года.

Имеет ранения: 20.03.1944. – легкое; 20.01 1945. – легкое.

В РККА с 07.09.1943 года.

Призван Мстиславским РВК Могилевской области.

Тов. Курдасов, хорошо усвоивший свое дело в любых условиях боя, отлично обеспечивал связью подразделения с КП батальона. В бою при форсировании реки Одер 23.04.1945 г. в трудных условиях боя, при наличии водной преграды, обеспечил связью боевые порядки с КП батальона. Под сильным артиллерийским огнем противника он устранил до 10-ти порывов линии, чем обеспечил выполнение боевой задачи – форсирование реки Одер.

Достоин награждения орденом «Красная Звезда».

Командир 617 стрелкового краснознаменного полка подполковник

Никитин.

16 мая 1945 года».

(Podvignaroda.ru)

Несмотря на ожесточенное сопротивление гитлеровцев, наступление советских войск в Западной Померании и в Мекленбурге продолжалось:

27 апреля 1945 года части 199 дивизии овладели городами Пренцлау, Ангермюнде;

28 апреля 1945 года части 199 дивизии овладели городами Эгтезин, Торгелов, Пазевальк, Штрасбург, Темплин;

30 апреля 1945 года части 199 дивизии овладели городами Грайфсвальд, Трептов, Нойштрелитц, Фюрстенберг, Гранзее;

1 мая 1945 года части 199 дивизии овладели городами Штральзунд, Гриммен, Деммин, Мальхин, Варен, Везенберг.

3 мая 1945 года. части 199 дивизии овладели городами Барт, Бад-Доберан, Нойбуков, Варин, Виттенберге.

Конечно же, слушая по радио сводки Совинформбюро, где могучий голос Юрия Борисовича Левитана, ежедневно возвещал о новых и новых, взятых штурмом, немецких городах и артиллерийских салютах в честь отличившихся войск, советские люди ликовали в предчувствии скорой победы над ненавистным врагом.

Для рядового красноармейца Курдасова Дмитрия Васильевича победоносное шествие советских войск по Германии, по вражеской земле тоже было гордым и радостным. Но было очень тяжело. Днем – яростный бой с гитлеровцами. Победа. Город взят. Ночью – марш и преследование противника. Следующим днем – вновь яростный бой с гитлеровцами. Победа. Город взят. Ночью – опять марш и преследование противника. В боях, с горечью на сердце, теряли солдаты своих друзей. На маршах тяжелая поклажа судорогой сводила перенапряженные мышцы. От бессонницы слипались веки и подкашивались колени. Затерявшиеся на военных дорогах полевые кухни по несколько суток искали свои проголодавшиеся роты и батальоны. Но бойцы упорно двигались вперед, не давая врагу передышки, каждым своим шагом приближая победу.

И вот 3 мая 1945 года перед нашим фронтом врага не оказалось. Гитлеровские солдаты разбежались. Вместо фашистов на линии соприкосновения между городами Висмар и Виттенберге воины 617 стрелкового краснознаменного полка 199 стрелковой Краснознаменной, Ордена Суворова дивизии встречали союзников-англичан.

Много было радости с обеих сторон. Много было открытых улыбок, крепких рукопожатий и объятий. Много было сказано хороших слов на непонятных друг для друга языках, много

было выпито русской водки и шотландского виски за победу над общим врагом. Много было раздарено сувениров. Все было искренне и от души.

Со щедрой улыбкой от всего сердца обнимал британцев, своих боевых соратников, советский солдат Курдасов Дмитрий Васильевич.

Уже пал Берлин. Конец войны был не за горами, совсем рядом.

В ночь на 9 мая 1945 года взмыли в зенит сигнальные ракеты, загрохотали в поднебесье неумолкаемо салюты из всех видов оружия, загуляли по небосклону лучи зенитных прожекторов. Солдаты, офицеры, генералы, медсестры – все что-то кричали, чему-то смеялись. Они обнимались, плакали, пили наркомовскую водку и трофейный шнапс, раздували мехи родимых гармошек и трофейных аккордеонов, пели и плясали. Это была Победа!

Англичане-союзники тоже ликовали от всей души. Стонали шотландские волынки, виски лилось рекой, слышались радостные крики, дружный хохот, звучали песни на чужом, но таком дорогом для нас, языке.

Впереди еще была Потсдамская конференция. Впереди еще был Нюрнбергский трибунал. Но главное уже было совершено. Коричневая чума германского фашизма была уничтожена.

А потом воинские эшелоны везли солдат-победителей с запада на восток, домой. Паровозы и вагоны-теплушки были украшены еловыми лапами, ветвями сирени и черемухи. Наяривал гармони, гремели частушки.

На каждой станции бросались к вагонам со слезами и вскриками вдовы солдатки, старики ветхие, девочки молодые. Они обнимали бойцов, как своих родных, спрашивали с робкой надеждой о своих не вернувшихся героях. Угощали люди солдатиков снедью домашней, последним, что в доме было.

Вернулся в родную деревню и Курдасов Дмитрий Васильевич. Вернулся героем-победителем, с орденами и медалями, с нашивками за ранения, с гостинцами какими-никакими (обычай военных трофеев никто не отменял). И жизнь крестьянская пошла далее своим чередом.

Будем помнить в веках героев, своей жизнью и кровью защитивших нашу Родину в той страшной воне.

Пусть в веках сохранится память о солдате Курдасове Дмитрие Васильевиче.

Низкий поклон.

Бачинский Николай Адольфович

Хорошее село Ялтушков, старинное, богатое. Широко оно раскинулось вдоль древнего Татарского шляха на берегу речки Лядова. Хаты выбелены. Занавески с вышивкой. За плетнем подсолнухи. На плетнях перевернутые кринки. Сады вишневые. Поля гречишные. Ульи пчелиные. Стада гусиные.

Золотится куполами Свято-Троицкая церковь, льется над селом малиновый перезвон колокольный.

Всего лишь в десяти верстах от села славный город Бар. А за ним уже мерещится многолюдная Винница.

В стародавние времена бывало, что на берегах Лядовы пели злые стрелы каленые, звенели мечи булатные, храпели распаленные степные кони. Рыдали в голос прекрасные полячки, уводимые в полон. Стонали под плетью ставшие рабами украинские хлопцы.

Ночами, при неверном свете факелов, окруженная преданной свитой, скакала на белой кобылице по здешним дорогам прекрасная и грозная королева Бона Сфорца.

Бывало, что сходились здесь в лютой сечи крылатые гусары князя Иеремии Вишневецкого и чубатые запорожцы гетмана Богдана Хмельницкого.

Буйствовала без всякой меры по придорожным шинкам гордая своими вольностями польская шляхта.

Под рокот полковых барабанов бодро шагали навстречу славе суворовские чудо-богатыри.

И колосились хлеба. И падали звезды в ночном небе. И плескались русалки в тихой заводи. И аисты чинили свои гнезда по весне. И в морозный сочельник гуртом ходили парубки да девчата по хатам со звездой лучистой на шесте, с лентами пестрыми, с приговорами добрыми.

Селяне сеяли хлеб, варили пиво, пасли стада, ковали железо, растили детей, водили хороводы, платили повинности. Жили, как везде люди живут. Когда хорошо, а когда тяжело.

В 1795 году при разделе Речи Посполитой земли города Бара, в том числе и село Ялтушков, отошли к Российской империи и составили её приграничье.

В 1907 году родился в тех местах в небогатой польской семье Бачинский Николай Адольфович. В России к тому времени отгремела Марсельезой и Варшавянкой первая революция. Политические страсти поутихли. На дорогах загудели клаксонами первые автомобили, в небе проплыли первые аэропланы, на экранах синемаатографа стали показывать первые фильмы.

Когда мальчику исполнилось семь лет, началась Первая мировая война. Село Ялтушков оказалось в прифронтовой полосе. Орудийной канонады слышно не было, но по дорогам день и ночь непрерывными потоками двигались войска – артиллерийские парки, санитарные обозы, пехотные колонны, полевые кухни, рабочие команды... Одни солдаты равнодушно проходили мимо, другие располагались на постой. Иные делились с хозяевами своим добром, иные забирали у селян последнее. Житье крестьянской семьи Бачинских было нелегким.

Игрушками мальчика стали стрелянные гильзы, пустые жестяные банки из-под консервов, оторванные солдатские пуговицы. Православный священник учил детишек в церковно-приходской школе читать и писать по-русски. Дома же родители учили Николая польскому письму.

Когда же мальчику исполнилось десять лет, в Российском государстве поднялась смута. Село находилось на окраине страны, и ребенку, да и его родителям, трудно было разобраться в происходящем.

Не стало Российского Императора. Все вокруг заговорили о революции и народной власти. Менялись одно за другим правительства. Наезжали в село сомнительные комиссары. По дорогам тянулись с фронта на восток толпы обозленных дезертиров с оружием.

А весной 1918 года на Украину строгими колоннами вступили кайзеровские войска. В городах и селах края устанавливалась германская оккупационная администрация. Потянулись на запад обозы с награбленным добром, с хлебом, с салом, с маслом, с щетиной, с кожей, с холстом. Мычали в клубах пыли угоняемые стада.

Через год пришли на смену немцам сечивые стрельцы Головного атамана Семёна Петлюры. За ними следом вторглись польские легионы пана Юзефа Пилсудского.

И каждая новая власть приносила с собой новый кровавый порядок. Казнили лютой смертью большевиков и белых офицеров, бандитов и мошенников, москалей и евреев, беженцев и спекулянтов, бродячих артистов и мешочников.

Было страшно тринадцатилетнему мальчишке.

В августе 1920 года поляков и петлюровцев вышибла с Украины Красная Армия. В крае прочно установилась Советская власть рабочих и крестьян. Кончилось лихолетье. Наступил мир.

Крестьян наделили землей. Отменили продразверстку. Ликвидировали бандитизм. В село провели радио. Построили клуб, открыли избу-читальню, школу.

Николай вырос, возмужал, обзавелся семьей, собственным хозяйством.

Нелегко, ох как нелегко, прошла в селе коллективизация. Были и кровные обиды, и ночная стрельба из обрезов, были и аресты.

1932 год и 1933 год выдались голодными, трудными. Иные не могли вынести лишения и умирали, иные бросали землю, хозяйство и уходили на заработки в большие города и на далекие стройки страны.

Но все же колхозы были созданы. Появились машинно-тракторные станции (МТС) с тракторами и грузовиками, с сеялками и сенокосилками, с мастерскими и бочками горючего.

А 1935 год и вовсе принес неслыханно щедрый урожай. Нужда ушла из села. Колхозники стали зажиточны. Приоделись, обзавелись утварью, железными кроватями, доброй одеждой да крепкой обувкой, цветными платками, да медными самоварами.

Следующие годы жили уже безбедно.

А в мире становилось все тревожнее.

Вспыхнул Франкистский мятеж в Испании.

Разрасталась японская агрессия в Китае.

Итальянские чернорубашечники вторглись в Абиссинию.

Совершен был мюнхенский сговор.

Заключен был антикоминтерновский пакт.

1 сентября 1939 года Фашистская Германия развязала Вторую мировую войну.

Вновь, как и много лет назад, пошли войска через село Ялтушков на запад. По-прежнему бодро рысила конница, деловито пылила пехота. Но на этот раз рядом с ними двигались колонны танков, артиллерийских тягачей, грузовиков. В небе плыли эскадрильи самолетов. Красная Армия вступила на польскую землю, чтобы остановить расширение фашистской агрессии на восток, на земли, заселенные украинцами. Границы Советского Союза отодвинулись далеко на запад.

22 июня 1941 года Фашистская Германия без объявления войны напала на нашу страну. Началась Великая Отечественная война Советского народа за свою свободу и независимость.

В те летние дни дороги Винничины были забиты отступающими войсками 12-й армии Юго-западного фронта Красной Армии. Опустив головы, не поднимая глаз, тянулись на восток плотными колоннами солдаты и офицеры, пехота и кавалерия, артиллерия и медсанбаты, штабы и полевые хлебопекарни. Вдоль дорог устало брели беженцы – старики, женщины

и дети. Люди тащили на себе узлы, корзины и чемоданы. Скрипели телеги с домашним скрабом. Вихляли тощими колесами по бездорожью детские коляски и велосипеды. Мычали недоенные коровы и блеяли испуганные козы.

В небе безраздельно хозяйничала вражеская авиация. Фашистские самолеты с воем моторов пикировали вниз и почти безнаказанно расстреливали с воздуха людей, лошадей, машины. Сбрасывали бомбы на переправу. Доставалось и селу. Ррушились под разрывами хаты, падали под пулями мирные сельчане. На переправе же царили паника, хаос и неразбериха. Все неуждержимо стремились на мост через Лядову.

Барский районный военкомат в этой прифронтовой сумятице не сумел и не успел организовать мобилизационный призыв в Ялтушкове. Николай Бачинский остался дома.

Буквально по пятам ушедшей армии в село ворвались немецкие мотоциклисты. За ними пришли кавалеристы из «Венгерского подвижного корпуса». А уж после – основательно расположилась отдельная рота охранного полка СС. Началась фашистская оккупация. Николаю Бачинскому исполнилось тридцать четыре года.

В селе немцы учредили комендатуру, канцелярию, назначили бургомистра, сформировали отряд полиции из струсивших окруженцев и местных предателей. Приказы захватчиков, расклеенные на заборах да на стенах больших зданий, были четки и суровы:

«за укрывательство красноармейцев – расстрел»;

«за хранение оружия – расстрел»;

«за большевицкую пропаганду – расстрел»;

«за нарушение комендантского часа – расстрел»;

«за невыход на работы – расстрел»;

«за оскорбление немецкого солдата – расстрел».

В закрома «Великого Рейха» оккупанты вывезли все зерно нового урожая, весь скот, всю птицу. Вся продукция небольших местных заводов, сахарного, пивоваренного, винокуренного, кирпичного, тоже пошла в эту прорву.

Осенью 1942 года дошла очередь до детей. И парни, и девушки, вся молодежь в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет подлежала отправке в Германию на принудительные работы.

Концу оккупации, концу войны, концу горя человеческого не было предела. В защиту от ушедшей Красной Армии и от далекой Советской власти уж и не верилось людям из далекой украинской глубинки.

Николай Бачинский, плоть от плоти народной, жил на своей родной, но порабощенной земле, растил хлеб и отдавал его фашистам, выходил на ремонт дорог и мостов для фашистов, возил своей лошадкой обозное добро для фашистов. Хотел Николай, чтобы семья его не погибла от голода или под расстрелом. Как и весь наш народ, он люто ненавидел оккупантов.

А на Винничине было неспокойно.

В глубокой тайне, вдали от людских глаз, вросло в тело украинской земли бетоном и сталью, отгородилось от мира колючей проволокой и минными полями, ошетинилось пулеметными вышками, «Волчье логово». Там разместилась ставка самого Гитлера.

В бескрайних чащобах лесного края сходились в кровавых схватках солдаты Армии Крайовой и бойцы Украинской повстанческой армии, советские партизаны и эсэсовские головорезы.

До жителей села Ялтушков доносились лишь дальние отголоски тех грозных событий. В селе стоял сильный немецкий гарнизон, и малочисленные лесные отряды не решались показываться в округе.

А в январе 1944 года обстановка стала меняться. Немецкие солдаты стали хмурыми, молчаливыми, озлобленными. В селе появился госпиталь для раненых, затем обозные части. В марте месяце через село с востока на запад потянулись колонны отступающих гитлеровских

войск. Однажды ночью сельчане услышали далекий гул артиллерийской канонады и над горизонтом разглядели отблески далеких зарниц. Это приближался фронт. Это наступала Красная Армия.

В ходе Проскурово-Черновицкой наступательной операции 1-го Украинского фронта, командовал которым маршал Г. К. Жуков, 21 марта 1944 года, после короткого боя с эсэсовцами, в село Ялтушков ворвались бойцы 67-го стрелкового корпуса, входящего в состав 38-й армии генерала К. С. Москаленко.

С гитлеровской оккупацией было покончено. Но до окончательного разгрома Фашистской Германии, до конца войны было еще далеко.

На очищенных от врага территориях мужчины призывного возраста подлежали мобилизации. С целью её обеспечения в структуре общевойсковых соединений создавались армейские полевые военкоматы и запасные армейские стрелковые полки. Военкоматы осуществляли учет и призыв новобранцев, а в запасных полках последние проходили необходимую военную подготовку. Из вновь призванных и прошедших обучение бойцов формировались маршевые роты, которые направлялись на пополнение передовых частей, понесших потери в боях.

Николай Адольфович Бачинский был призван в ряды Красной Армии восстановленным советской властью Барским военкоматом, и направлен для прохождения службы в 8-й армейский запасной стрелковый полк 38-й армии.

Обучение новобранцев в запасных полках проводилось, как правило, в срок от одного до четырех месяцев. Однако бывали исключения. Бывало, что полк в полном составе, включая вчерашних, еще необученных, призывников, поднимали по тревоге и бросали в бой с прорвавшимися фашистскими танками. А бывало, что командиры под различными предлогами намеренно задерживали в полку бывалых да расторопных солдат ради выполнения различных хозяйственных работ.

Запасные полки в Красной армии выполняли не только функции обучения бойцов и формирования маршевых рот. Запасные полки, в случае необходимости, составляли часть армейского резерва. Они так же выполняли задачи по охране тыловых объектов и по обеспечению бесперебойного функционирования тыловых коммуникаций. Зачастую они привлекались к разгрузке эшелонов с боеприпасами и снаряжением.

Привлекались запасные полки даже к выполнению сельскохозяйственных работ на освобожденных от врага территориях. Ввозить хлеб из Сибири на Украину по перегруженным железным дорогам было трудно. Государственный комитет обороны принял решение о максимальном использовании продовольственных ресурсов прифронтовой полосы. Командование 1-го Украинского фронта направило в село на весеннюю посевную около одной тысячи автомобилей и тракторов, около пяти тысяч бойцов.

Тридцатисемилетний Николай Бачинский, всю свою жизнь проработавший на земле, конечно же, был привлечен командованием к участию в этом нелегком деле.

Выполнение задач по обеспечению весеннего сева в освобожденных от гитлеровской оккупации районах значительно осложнялось действиями украинских националистических банд, обосновавшихся в лесах и оврагах, в тайных схоронах и на дальних хуторах. Зачастую бойцам Красной Армии приходилось бросать плуг, глушить трактор, тормозить полуторку, и с оружием в руках вступать в бой с бандеровцами. Схватки шли скоротечные, но кровавые, достигающие до рукопашной. Ожесточение с обеих сторон было настолько велико, что пленных не брали ни те, ни другие.

В этих боях и принял крещение огнем рядовой красноармеец Николай Адольфович Бачинский.

А уже в первых числах июля 1944 года в составе маршевой роты пополнения он был направлен в 183-ю стрелковую дивизию. Командовал дивизией генерал-майор Василевский Леонид Дмитриевич.

Нужно отметить, что советский солдат к тому времени был достаточно обеспечен всем необходимым для походной жизни. Одет он в шинель доброго английского сукна, обут в крепкие американские ботинки. В вещевом мешке у солдата припасена объемистая банка тушенки, а во фляге плескался трофейный коньяк. На груди висел автомат. На поясе покоилась пара лимонок.

13 июля 1944 года Войска 1-го Украинского фронта во взаимодействии с войсками 4-го Украинского фронта начали проведение Львовско-Сандомирской стратегической наступательной операции.

Однако не все там пошло гладко. Гитлеровцы не только упорно сопротивлялись. Уже 15 июля они предприняли целую серию контратак при поддержке большого количества танков.

Вот тут-то красноармеец Николай Бачинский начал понимать войну по-настоящему. Наши стрелковые окопы накрывал плотный огонь вражеской артиллерии, их перемешивали с землей бомбы вражеских пикировщиков, их утюжили танки со свастикой на броне, в них прорывались автоматчики в мундирах мышинового цвета с закатанными рукавами. И надо было нашим солдатам остановить этот гитлеровский натиск, во что бы то ни стало.

Конечно же, в тот, освободительный, период Великой Отечественной войны наша пехота была уже не одна на поле боя. Горела фашистская броня под ударами наших орудий, гудели над головой залпы «Катюши», трещали в небе пулеметные очереди наших «Ястребков».

Но приходилось бойцам, и отстреливаться до последнего патрона, и отступать поспешно, и гранатами отбиваться, и в рукопашной схватке драться штыком да саперной лопатой. Приходилось, получив приказ на отход, бежать по чистому полю во всю прыть, пригибаться и петлять под вражеским огнем, заливаясь потом и хрипя легкими, валиться на дно окопов своих вторых эшелонов.

Три дня шли кровопролитные бои, и только 18 июля обстановка стабилизировалась. Контрнаступление противника выдохлось, и наши войска вновь перешли вперед.

А 20 июля части 183-й стрелковой дивизии вступили в бой с выходящими из Бродского котла разрозненными группами 14-й гренадерской дивизии СС «Галичина». Схватки были жаркими и беспощадными. Эсэсовцы сражались крепко, умело, насмерть. Странно и жутко было Николаю Бачинскому слышать на поле боя, как гитлеровские солдаты, одетые в черную форму, отдают команды, кричат и ругаются на родном ему украинском языке, как жалобно стонут и плачут на этом же языке раненные и умирающие враги.

Началось преследование разгромленного и отступающего противника.

25 июля полки 183-й стрелковой дивизии завязали бои в кварталах южной части города Львова, заняли Знесень и окружили немцев в районе Высокого Замка.

Преодолевать в уличных боях сопротивление озверевшего врага – дело нелегкое. Ливень свинца хлестал из каждого окна, выкашивая ряды наших солдат, рушились стены домов, хороня под развалинами штурмовые группы, кирпичная пыль забивала легкие, удушая раненых. Но надо было продвигаться вперед. И красноармеец Николай Бачинский вместе со своими товарищами-однополчанами шел в атаку сквозь огонь и смерть.

В те дни за освобождение древнего украинского города от немецко-фашистских захватчиков плечом к плечу с солдатами Красной Армии доблестно сражались бойцы семитысячной группировки Армии Крайовой под командованием полковника Владислова Филипковского. А 14-й уланский полк даже получил благодарность от советского командования. К несчастью крепкое боевое братство оказалось недолгим. Вмешалась политика – будь она неладна.

27-го июля Львов был полностью очищен от гитлеровцев. Дивизия вышла к предгорьям Карпат. Там наступление советских войск приостановилось.

8 сентября началась Карпатско-Дуклинская наступательная операция. Советские войска спешили на помощь словацким антифашистам, поднявшим накануне национальное восстание за освобождение своей страны от гитлеровской оккупации. Однако немецкие и венгерские

части встретили наше наступление упорной обороной и яростными контратаками. Условия горной местности позволяли им создать сильные укрепленные позиции. Бои приняли затяжной и ожесточенный характер. Приходилось рядовому Николаю Бачинскому, как и каждому бойцу дивизии, раз за разом подниматься в атаку, кричать «Ура», стрелять, карабкаться под бешеным огнем противника по отвесным кручам, срываться с отчаянной руганью вниз, оккупываться под ливнем пуль, дожидаться темноты и вжимаясь в землю отползать к своим окопам. Так каждый день.

И только 6 октября 1944 года полки 183 стрелковой дивизии совместно с частями 1-го Чехословацкого корпуса генерала Людвиг Свободы, наконец-то преодолев упорное сопротивление фашистских войск, штурмом взяли сильно укрепленные позиции Дукельского перевала и вступили на территорию Чехословакии, Началось освобождение страны от немецкой оккупации.

До окончания войны было все ещё далеко.

В декабре 1944 года 38-я армия, включая в себя 183-ю стрелковую дивизию, была передана 4-му Украинскому фронту. Тяжелые и кровопролитные бои велись снежной и морозной зимой в сложных условиях горной местности при упорном и ожесточенном сопротивлении противника. Наши войска продвигались медленно, несли большие потери. Но каждый новый день, каждый шаг советского солдата приближал окончание войны.

О жителях западной части Украины Маршал Советского Союза К. С. Москаленко вспоминал:

«Пополнение дивизий, входящих в состав 38-й армии с весны 1944 года состояло в значительной степени из местных уроженцев. Численность их у нас составляла многие десятки тысяч человек. И каждый из них, как и все советские люди, ненавидел фашистов, сражался с ними героически, самоотверженно, не щадя жизни во имя освобождения родной земли. Они составляли неотделимую частицу нашей армии и позднее, при героическом штурме Карпат и освобождении польской и чехословацкой территорий».

(К. С. Москаленко. «На юго-западном направлении». Москва. Воениздат. 1979).

Великую Победу красноармеец Николай Адольфович Бачинский встретил в освобожденной от фашистов Праге. Домой вернулся с боевыми наградами на груди, прихрамывая на раненую ногу, опираясь на трость.

А 6 апреля 1975 года он был вновь удостоен правительственной награды – Ордена Отечественной войны II степени.

Не забудем.

Смотров Иван Исаевич

Был у отца моего в юности друг закадычный, Сашка Смотров. Жили они в самом сердце России, на Курской земле, в селе Преображенье, на берегу малой речки Чернавы. Дома их стояли через улицу, один напротив другого. Семьи дружили.

Родились они оба в 1928-м году, в том самом году, когда в нашей стране стартовала первая советская пятилетка.

В голодные тридцатые годы, в младенчестве далеком, вместе хлебали они кашку пшеничную, жидкую да постную, из общего котла крестьянской коммуны.

Повзрослев, носили домашние харчи отцам своим в поле колхозное, водили коней в ночное, вершами ловили рыбу в речке, ныряли за раками, собирали свежие яйца в грачиных гнездах.

В грозном сорок первом году, под пятой гитлеровской оккупации, по ночам в заброшенном сарае, отчищали от ржавчины и пороховой гари оружие, собранное тайком в брошенных окопах. Диверсию лютую врагу готовили. Да не случилось подвиг совершить. Не успели ребята. Наши красные конники морозной ночью село отбили.

Радостно встечали мальчишки Красную Армию, армию—освободительницу.

После, вместо мужиков, ушедших на фронт, работали парнишки сверх всяческих сил на колхозных полях, вплоть до самой Великой Победы. Работали истово, от зари до зари, до хрипоты в легких, до дрожи в коленях. Выработывали по две, по три взрослых нормы. Стране был нужен хлеб.

Все для фронта, все для победы.

Попутно учились в скромной сельской школе, науки сложные познавая ревностно.

Зимними вьюжными вечерами, по давнему обычаю, да по безмолвному согласию строгих родителей, в избе у доброй бабульки старой, безмужней да бездетной, на полу, сеном густо усланным, валились скопом на ночевку безгрешную парнишки да девчата молодые. Ребята свои овчины в ряд стелили, а девичьими полушубками все вместе укрывались. Шептались, дышали жарко, прижимались, обнимались, тайком целовались, смеялись и фыркали, влюблялись.

Победу Великую ликовали вместе со всей страной. Гуляли всем селом с гармошками веселыми, с ядреной самогонкой, со слезами горькими, с частушками отчаянными. Закусывали первач луком молодым стрелчатым, да капустой прошлогодней квашенной. Парням в тот год исполнилось по семнадцать лет. Взрослые уже.

После войны, достигнув призывного возраста и выполняя приказ грозного военкома, вдвоем на крыше вагона-теплушки добирались друзья до города Житомира, где оба были зачислены в военное артиллерийское училище.

После, уже в пятидесятые годы, став офицерами, они вместе служили в рядах Советской Армии на берегах Черного моря, в славном городе Севастополе. А затем служебная забота разнесла их врозь по просторам нашей Великой Родины.

И у отца моего и у его друга были старшие братья, которые в свое время героически и яростно сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Сражались они страшно, кроваво, беспощадно.

Речь пойдет о старшем брате Александра – Иване Исаевиче Смотровом, родившемся лишь на четыре года раньше брата Сашки в 1924 году.

В первые военные годы Иван работал в колхозе не хуже других. Он и в оккупации проявил себя достойно, сапоги оккупантам не лизал, в глаза заискивающе не заглядывал.

В 1942 году, когда парню исполнилось восемнадцать лет, он был призван на службу в Красную Армию.

22 февраля 1942 красноармеец Смотров Иван Исаевич принял воинскую присягу и был отправлен в учебную часть на курсы противотанкистов-бронбойщиков.

Вдалеке от тяжелых битв, в глубоком тылу, в заснеженном и промороженном гарнизоне, познавал вчерашний деревенский парень грозную военную науку. Учили бойцов всерьез и на совесть. Учили беречь и содержать оружие. Учили стрелять и окапываться. Учили долгим и тяжелым переходам. Учили различать вражеские танки. Учили не бояться рева моторов и лязга гусениц прямо перед окопом, прямо в лицо.

Горький, огненный и кровавый 1941-й год стал для нас тяжелой наукой. Зачастую стальным механизированным клинью вермахта противостояла лишь наша героическая пехота. Выявилась её огневая слабость на поле боя в борьбе с вражеской бронетехникой. Малочисленная противотанковая артиллерия на конной тяге не везде и не всегда поспевала. А кустарные связки гранат и бутылки с горючей смесью в применении своем требовали от рядового бойца неслыханного героизма и отчаянного самопожертвования. И красноармейцу на передовой край как не хватало противотанкового оружия ближнего боя.

По приказу Ставки Верховного Главнокомандования советскими конструкторами спешно были разработаны, пущены в производство и направлены на фронт противотанковые ружья.

Самым массовым и эффективным изделием данного типа было противотанковое ружье системы Дегтярева – ПТРД. Ружье имело калибр 14,5 мм, массу 17,3 килограмм, длину 2 метра. Вес одного патрона составлял 200 грамм. Ружье отличалось большой дульной энергией пули, которая обеспечивала пробиваемость брони толщиной до 30 миллиметров на дальности стрельбы до 400 метров. Ружье было однозарядным, то есть после каждого выстрела нужно было вручную вставлять очередной патрон в приемник и досылать его в патронник. Боевой расчет, состоящий из двух бойцов, мог и должен был произвести до восьми выстрелов в минуту.

Безусловно, оружие было грозное. И создавали его люди талантливые, беззаветно преданные делу, грамотные. И надежды на него были немалые. Дела предстояли серьезные, кровавые, бессмертные.

Бойцов учили со всем старанием. Отбирали в бронбойщики солдат тщательно, самых способных, самых достойных, сильных и духом, и телом.

Ведь одно дело пробить из ПТР на учебном полигоне тридцати миллиметровый броневой лист.

Совсем другое дело подбить в бою, на вздыбленном поле, мчащийся на тебя в реве моторов, в клубах дыма и пыли вражеский танк. А он ведь не просто прет на тебя всей своей массой, он поливает пехоту из пулеметов и рушит пушечным огнем блиндажи да огневые точки. Мало ведь попасть в этот танк. Мало в нем и броню пробить. Надо так подстроить свой выстрел, что бы танк дернулся судорожно и застыл намертво грудой чадящего железа.

Вот и заучивали бойцы слова: «Бей по смотровым щелям», «Бей по топливным бакам», «Бей по ведущим каткам гусеницы».

Ну а если, солдат, от выстрелов твоих толку не случилось, то бери гранату, а лучше две, в каждую руку по одной, и ползи навстречу броне и огню. Потому что танк этот на твоей совести. Не остановишь ты его, пойдет он давить гусеницами нашу пехоту, рванет в тылы, к медсанбату, к девушкам-связисткам, к обозникам и кухням. И даже мертвый, раздавленный стальными траками, перемешенный трепещущей плотью с землей, ты будешь виноват перед теми людьми за то, что с ними случится.

Бойцам-бронбойщикам настойчиво разъясняли и внушали:

«Основное требование тактического применения противотанкового ружья – маневренность во всех случаях боя. Легкость ружья, удобство переноски, несложное оборудование огневых позиций, возможность в качестве укрытия использовать естественные преграды – всё это вместе делает расчёт противотанкового ружья неуязвимым».

(ГАБТУ КА «Уничтожай фашистские танки из противотанкового ружья»,
Воениздат НКО СССР, 1942).

В ходе войны ПТРД использовались не только для борьбы с бронетехникой. Они успешно применялись против грузовиков и мотоциклистов, для стрельбы по амбразурам ДОТов и ДЗОТов, для уничтожения пулеметных точек и низколетящих самолетов, для потопления катеров, понтонов и барж.

ПТРД с успехом заняли свою нишу в противотанковой борьбе. При этом они обладали и другим немаловажным качеством. Присутствие противотанковых ружей на поле боя оказывало огромную психологическую поддержку обороняющейся пехоте, позволяло справиться с таким болезненным фактором, как «танкобоязнь».

Занимает батальон оборону на склоне холма. Роем пехота свои окопчики в твердой и неподатливой земле. Темнеют широкие пятна пота на гимнастерках. Скрипит сухой песок на зубах.

Темно в глазах у солдата. Темно на сердце. Там за горизонтом не смолкает тяжелый гул, не оседает желтая пыль, не рассеивается черный дым. Там идет смертный бой. Там наши бойцы малочисленного заслона ценой своей жизни выгадывают часы и минуты для своих братьев, что бы те успели занять оборонительный рубеж, врыться в землю, организовать систему огня. Как только все стихнет – жди гостей. Навалится фашист силой тяжкой. Попрут танки. А чем их встречать? Винтовкой со штыком? Самодельной связкой гранат? Бутылкой с зажигательной смесью? Оно, конечно, можно и встретить. Да ведь, сколько хлопцев поляжет на каждый подбитый танк. Тяжко на душе у солдата, словно воздуха не хватает.

И тут откуда-то из-за бугра спешат на полусогнутых в коленках ногах противотанкисты-бронбойщики. Тащат на плечах длинные ружья. Волокут тяжелые подсумки со своими патронами.

И всего-то их с полдюжины, а пехота сразу оживилась. Пошел говорок по цепи: «Ну, брат, мы с тобой еще поживем»; «Теперь-то мы не пропадем»; «Эти хлопцы свое дело добре знают». И уже грохнул где-то на фланге дружный хохот. И уже чей-то кисет пошел по кругу. Веселее замелькали солдатские саперные лопатки, гуще полетели комья земли на бруствер.

Подсобят бойцы бронбойщикам. И окопчик поглубже отроют, и бруствер пошире насыпят. А там и земляки непременно отыщутся, и самосад домашний найдется. И борща в котелок нальют побольше, да погуще. И наркомовской нормой не обойдут.

«Вы уж, братцы, не подкачайте, а за нами дело не станет. Пехоту-то мы не допустим, а ежели что, так и на штык примем».

Человеку свойственно верить в то, во что он хочет верить. Раз ружье противотанковое, то хлопцы-бронбойщики обязательно из него подобьют вражеские танки. А это значит, что солдат верит в свое оружие, что он верит в свой батальон. Это значит, что он будет стоять насмерть. Это значит, что враг здесь не пройдет.

Но глубоко в душе, на краю сознания, многие понимали, что длинноствольное противотанковое ружье все-таки слабовато. И придется кому-то встать из окопа и упасть с последней связкой гранат под гусеницы стального зверя со свастикой на башне.

Через три месяца обучения, в июне 1942 года, красноармеец Смотров Иван Исаевич был зачислен вторым номером расчета противотанкового ружья 2-го взвода роты ПТР 23-го отдель-

ного истребительного противотанкового артиллерийского дивизиона 132-й стрелковой дивизии, 13-й армии Брянского фронта.

Не так уж далеко ушел солдат от родимого дома, линия фронта проходила всего лишь в сорока километрах к западу от берегов речки Чернавы.

Командовал Брянским фронтом в то время генерал-лейтенант Чибисов Н. Е..

Командовал 13-й армией в то время генерал-майор Пухов Н. П.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.